

С чего бы это Ши Ичжи вздумал проклинать моего дядю? Воина можно убить, но родственников — нельзя бесчестить. Услышав его слова, я тоже вышел из себя и, надув щёки, крикнул в ответ:

— Ши Ичжи, будь же логичен! Разве мой дядя не твой дядя?

Ши Ичжи приподнял бровь, ткнул пальцем в свою забинтованную голову и проговорил сквозь зубы:

— Я действительно поверил твоим рассказам, Сяхоу Цянь. Говори честно, что ты сделал с Государем?

Я был готов расплакаться.

— Честно, ничего особенного... А что с твоей головой?

Ши Ичжи снова засмеялся, но смех его был холодным.

— Ничего особенного? Если бы ты ничего не сделал, разве Государь стал бы швырять в меня чашкой? Сегодня я отправился к нему, чтобы выведать обстановку, и, едва я упомянул твой башмак, он побледнел, затопал по ложу и выгнал меня вон!

Я спросил:

— Государь всё ещё зол?.. Но это же просто башмак!

Ши Ичжи вспылил:

— Чушь! Судя по его измождённому виду, дело не в башмаке! Сяхоу Цянь, что ты натворил?!

Я уже почти плакал от его допроса.

— Я... Я ничего особенного не сделал...

Перед уходом Ши Ичжи ещё тысячу раз напомнил мне как следует обдумать события того пира в честь победы. Ведь только я сам мог понять, чем именно прогневал Государя, и тогда они, заступники, смогли бы подобрать нужные слова.

Я послушно пытался вспомнить. Потратил на это как минимум час. И понял, что вспомнить не могу. Да и не хочу.

Я был голоден. И в голове у меня крутились только мысли о еде.

Хрустящие креветочные пельмени старого Чжана с западного конца города. Свиные ножки в красном масле и мясные шарики из Дэманьлоу на юге. Соевое молоко с красной фасолью и булочки с говяжьим бульоном от «Тофуной красавицы» на востоке. А этот запах, что я сейчас чувствую... должно быть, жареные львиные головы из «Обитатели Бессмертных» на севере.

Погодите-ка. Почему я чувствую запах жареных львиных голов?

Я же в тюрьме!

Глубоко вдохнув, я приоткрыл глаза, закрыл, затем снова открыл — и не смог сдержаться, чтобы не выпучить их окончательно.

Боже. Кого я вижу? Генерала Чжунъю Шэн Дайчуаня, известного своей подлостью, и тот пришёл навестить меня с коробкой еды.

Что сегодня за день? Почему столько посетителей? Неужели этот Шэн явился специально, чтобы отравить меня?

Пока я колебался, Шэн Дайчуань сложил руки в приветствии и сказал с добродушной улыбкой:

— Брат Сяхоу, тяжело тебе пришлось эти дни.

Отец говаривал, что все эти негодяи любят подкупать сердца. Теперь я вижу — он не обманывал. Этот Шэн хочет сблизиться со мной при помощи пары тарелок с мясом? Ха! Как говорится: «Бедность не должна менять твоих принципов». Разве я, Сяхоу Цянь, человек без принципов?

Я не ответил Шэн Дайчюю. Зато две крысы в углу пронзительно запищали.

Шэн Дайчуань слегка смутился, почесал нос и, нахмурившись, добавил:

— Я слышал, в тюрьме кормят плохо. Принёс тебе перекусить.

Вообще-то, Шэн Дайчуань выглядел весьма благообразно. Густые брови, пронзительные глаза, высокий нос, глубокие глазницы, щетина на подбородке — с первого взгляда казался честным и простодушным. Особенно сейчас, когда он с таким трудом пытался завести со мной беседу, он походил на большого, доброго простака, которого все обижают.

Но Ши Ичжи учил меня: «По одежке не встречают». Шэн Дайчуань — опасный противник, и я ни в коем случае не должен позволить ему себя обмануть.

Подумав, я проговорил, стиснув зубы:

— Кто тебе наговорил такой ерунды? Меня тут кормят отлично. Каждый день мясо, да ещё и суп подают. Государь обо мне особо заботится.

Едва я это произнёс, как мой живот предательски грохнул, словно раскаты грома.

Я увидел, как уголки губ Шэн Дайчуаня задрожали — он изо всех сил сдерживал смех.

— Брат Сяхоу, не притворяйся. Ты же в тюрьме, ты не видел, в каком бешенстве Государь. Он так разъярён, что даже говорить не может. Чудо, что он не велел отрезать тебе пищу и воду, не то что суп бы прислал.

Мне оставалось только бессильно таращиться на него.

Шэн Дайчуань продолжил:

— Брат Сяхоу, хоть мы с тобой и не ладили все эти годы, но всё же мы коллеги. Мы оба служим Великой Чу. Если кто-то тебя не понимает — я понимаю. Мы оба прошли через ад, не раз смотрели смерти в лицо. Такая доля не для слабых.

Я фальшиво усмехнулся:

— К чему это ты?

Шэн Дайчуань мягко ответил:

— Да ни к чему. Просто думаю: будь на твоём месте я, отдай я все силы, чтобы одержать победу на поле боя, а потом, вернувшись ко двору, оказаться в тюрьме по надуманному обвинению... Мне бы это тоже не понравилось.

Я прижал руку к груди, чувствуя, как сердце бешено колотится.

— Надуманное обвинение?

— Разве не так? До сих пор Государь не может внятно объяснить, в чём твоя вина. Жаль, право слово. Едва вернулся в столицу, даже не успел как следует примерить новую форму — и уже в камере, в ожидании приговора. Говорят, императорский указ уже готов. Если ничего не изменится, завтра в полдень тебя казнят на Западной улице. Брат Сяхоу, мне искренне тебя жаль. Потому и принёс тебе выпить перед казнью.

Что? Государь хочет меня казнить?

Неужели с неба падают красные дожди, а в июне идёт снег? Что я такого сделал, чтобы меня казнили? Всего несколько месяцев назад я заставил тех варваров выть от боли, вернул Государю утраченные земли, укрепил границы Великой Чу. Столько подвигов совершил — и всё ради того, чтобы Государь казнил меня за обвинение, которое даже сам сформулировать не может?

Я не боюсь смерти. Я боюсь ждать смерти, не зная её причины.

Я ещё не успел опомниться, а Шэн Дайчуань уже открывал коробку с едой. Блюдо жареных львиных голов. Тарелка солёного арахиса с пряностями. Пирожные с османтусом. Кувшин жёлтого вина. Три больших, с чашу, пшеничных пампушки.

— Брат Сяхоу, кушай не спеша, — сказал Шэн Дайчуань. — Я пойду.

Сделав пару шагов, он обернулся и осклабился:

— Эти пирожные с османтусом — новинка «Обитатели Бессмертных». Сладкие, но не приторные. Вкусно. Обязательно попробуй, не торопись.

Я уставился на него каменным лицом.

— Головой ручаюсь, не отравлено. Нет смысла мне рисковать своей жизнью, чтобы ускорить твою кончину на один день, верно?

А... Логично.

Если кто-то принёс еду, а ты её не ешь — ты дурак.

Шэн Дайчуань ушёл. Я засучил рукава, осторожно притянул поднос с едой к себе в камеру и начал с львиных голов. Медленно, не торопясь, съел всё.

Примерно через полчаса я доел последний кусок пампушки, вытер остатки масла и отломил кусочек пирожного с османтусом на десерт.

М-да. Не зря «Обитель Бессмертных» славится своими сладостями. Не только вкусно, но и изысканно. Внутри даже есть прослойка.

Шэн Дайчуань, сукин сын, видимо, боялся, что я буду есть слишком жадно и не замечу, поэтому в каждое пирожное засунул одинаковую записку. Откусишь — и во рту одна бумага.

Пирожные есть стало невозможно. Развернув одну из записок, я бегло пробежал глазами и фыркнул. Засунул руку под коробку и нащупал маленькую пилюлю, завёрнутую в чёрную ткань.

Понюхал. Хех. Дорогущее лекарство мнимой смерти.

Как раз кстати. Два года назад, во время одного сражения, меня чуть не прикончили из-за предательства. К счастью, встретился странствующий лекарь, который выходил меня, едва живого. После он дал мне три пилюли: одна лечит обычные яды, другая притупляет боль, третья вызывает мнимую смерть.

Я разглядывал эти три пилюли днём и ночью, так что ни за что не перепутаю. Та, что дал Шэн Дайчуань, была точь-в-точь как та, что вызывает мнимую смерть.

Намерение Шэн Дайчуана было ясно: принять пилюлю, притвориться мёртвым, а ночью его люди вытащат меня из тюрьмы.

Я присел на корточки, подбрасывая пилюлю в ладони, и спустя несколько мгновений тяжело вздохнул.

Оставим в стороне вопрос, зачем Шэн Дайчюю меня спасать. Само это предложение уже ставит меня в неловкое положение! Я, Сяхоу Цянь, всегда шёл прямым путём и сидел с прямой спиной. Даже если Государь в своём ослеплении казнит меня, рано или поздно правда восторжествует.

Но если я, в панике хватаясь за соломинку, поверю Шэн Дайчюю и применю его способ, то стану не просто беглым преступником. Ко мне прибавится ещё и обвинение в тайном сговоре с ним. Даже если выживу, людям в глаза смотреть будет стыдно.

Я уже говорил: не боюсь смерти. Боюсь ждать смерти, не зная её причины. Но больше всего я боюсь жить, прятаясь и влача жалкое существование.

Перебрав в голове множество мыслей, я запрокинул голову и горько усмехнулся. Помедлив, поймал крысу, разжал ей пасть и сунул пилюлю прямо в глотку. Закончив, я наблюдал, как крыса закатывает глаза, а сам прищурился и выглянул наружу. Как и ожидал, тёмная фигура медленно растворилась в темноте.

Похоже, сегодня ночью я смогу спокойно поспать.

<http://bllate.org/book/15934/1423807>